

Минская инициатива

СТУДИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
«ШКЕРЕБЕРТЬ»

«Крык бінтую маўчаннем лістоў»

Участники студии сравнительного поэтического перевода «ШКЕРЕБЕРТЬ» представляют переводы на русский язык подборку стихотворений молодой белорусской поэтессы Насты Кудасовой, которые впервые выходят на страницах «Дружбы народов», продолжая ряд публикаций замечательных белорусских поэтов Михася Стрельцова, Андрея Хадановича и Марийки Мартысевич.

Галина КЛИМОВА

Наста Кудасова

* * *

Неба зрываецца долу — блакітныя коні
ў яблыках белых аблокаў
скубуць пахкі вецер...
Я прысвячаю табе маё ўсё —
маё сёння:
без-цябе-вуліцаў мыліцы,
памяці шчэсце...
Я прысвячаю табе будняў дробнае проса.
Мне ж — сотні жыццяў стаяць на зямным падаконні,
слухаючы,
як зрываюцца долу нябёсы —
ў яблыках белых аблокаў блакітныя коні...

Дмитрий Артис

Долу срываюцца неба лазурныя коні
в яблоках белых, как облако,
вытоптать ветер...
Я посвящу тебе всё моё —
только сегодня:
без-тебя-улиц прогульщица,
память не светит...
Я посвящу тебе зёрна дроблёныя будней.
Мне — сотню жизней вставать на земной подоконник,
слушая небо, летящее долу, как будто
в яблоках облака скачут лазурные кони...

Евгения Джен Баранова

Небо срывается вниз — голубые кобылы
в белых яблоках облаков
щиплют духмяный ветер...
Я отдам тебе всё, что есть
у меня сегодня:
без тебя ковыляют улицы,
память щетиной колет...
Я отдам тебе всё — мелкое просо будней.
И останусь стоять
на земном подоконнике
сотню жизней,
вслушиваясь,
как несутся к земле небеса —
в белых яблоках облаков
голубые кобылы.

Анна Маркина

Небо срывается вниз — и лазурные кони
в облачных яблоках белых
пасутся на ветре
всё я тебе посвящаю, тебе —
всё сегодня:
без-тебя-улицы тросточка,
памяти ветка...
Я посвящаю тебе будней дробное просо.
Мне ж остаётся сто жизней, земной подоконник,
слушать,
как сходят на тёмную землю белёсо
в яблоках облачных неба лазурные кони...

Ольга Сульчинская

Небо на землю срывается — синие кони
в облачных яблоках белых
из упряжи рвутся...
Я посвящу тебе всё,
что имею сегодня:
без-тебя-улицы старицу,
памяти русло...
Я посвящу тебе будни на бедной мякине.
Мне же — сто жизней прождать, чтоб заполнило склоны
дрождью тяжёлой
и ветром повеяло синим —
в облачных яблоках белых небесные кони...

Наста Кудасова

* * *

Сівому туману вычэсвай густую поўсьць,
пакуль закліпаецца вечар самотай воўчай.
Я ведаю, тут у кожнага хтосьці ёсць,
каб грэць у далонях далонь і ўглядацца ў вочы.

Не мрой жа, такіх у шчаслівыя не бяруць,
ты — цень ад крыла, ты не варты нічога, нічога!
Але ёсць дарога дамоў, ёсць Дняпро і Друць,
ёсць пацёрка поўні ў блакітнай руцэ Рагачова...

І можна яшчэ басанож увайсці ў лугі,
пяшчоту запхнуўшы глыбей, каб не рвала скуру,
ды слухаць, як лета паяе свой адвечны гімн
і верыць сабе, не зважаючы на партытуру.

Евгения Джен Баранова

Седому туману вычэсывай волчыю шерсть,
покуда заходится вечер в печальном танце.
Я понимаю, у каждого кто-то есть,
чтобы ладони согреть и в глазах купаться.

Не сомневайся, в счастливые не возьмут,
ты тень от крыла — и ничего такого!
Но всё-таки будет Днепр, и дом, и Друг,
и бусина полночи в пальцах у Рогачёва.

И всё ещё можно босому зайти в луга,
песчинку загнав поглубже под волчью шкуру,
и слышать, как лето несёт комариный гам
и верит себе, не слушаясь партитуры.

Наста Кудасова

* * *

Крык бінтую маўчаннем лістоў
і жыву —
найспавіцейшай з мумій.
Гэта я — твой адданы ніхто!
Гэта я па табе сумую
так,
што лета,
сарваўшы ланцуг,
збегла прэч ад нуды каляндарнай,
і цяпер у нас ёсць толькі цуд,
і дай Бог,
каб
не марны.

Дмитрий Артис

Забінтую свой крык в эсэмэс
и, как мумия, дальше живу я.
Это я — твой пустой интерес!
Это я по тебе тоскую,
так,
что лето,
как лопасть винта
отрывается, вдаль улетаю,
остаётся мне только мечта,
и дай Бог,
не
пустая.

Инга Кузнецова

Крык бінтую молчанием строк
и живу —
неподвижнейшей мумией.
Это я — твой обет и зарок,
Твой никто. Я тоска и безумие.
Даже
лето,
сорвавшись с цепи,
убежало от дней беспросветных.
И лишь чудо ждёт нас в степи,
и дай Бог,
чтоб
не тщетно.

Яна-Марія Курмангалина

Крик бинтую строкой с листа
существую —
живейшей из мумий.
Это я — твоя пустота!
Это я по тебе тоскую,
так,
что прочь
из своей тюрьмы
убежала от всех пересудов,
в мир, в котором есть только мы,
только лето
и только
чудо.

Наста Кудасова

* * *

туды, дзе глог і мята на стале,
дзе грэюць нас
цюлені цэпелінаў,
дзе мы жывём, не ўмеючы сталець,
нікому і нічога не павінны,
дзе летні дождж
па вулках Летувы,
зацалаваных нашым спрытным крокам,
выстуквае “жывы, жывы, жывы!” —
дождж,
зразумелы нам на ўсіх гаворках...
туды!
туды, да шчаснае пары,
дзе ўсё крычыць аб нашай маладосці,
дзе мы — жывём,
дзе мы — гаспадары,
дзе нават смерць здаецца толькі госцем...

Дмитрий Артис

где ягоды и мята на столе,
где греют нас
тюлени цепелинов,
где мы живём, не думая взрослеть,
ни перед кем ни разу не повинны,
где летний дождь
по улицам Литвы —
проворными шагами на проспектах —

выстукивал «живи, живи, живи!» —
на разных языках
и диалектах...
туда!
туда, до радостных времён,
где всё кричит о юности и росте,
где мы — живём,
где жили — испокон,
где даже смерть окажется лишь гостем.

Инга Кузнецова

туда, где тмин и мята на столе,
где греют нас
тюлени цепеллинов,
где мы живём, не думая стареть,
ни перед кем ни в чём так неповинны,
где летний дождь
на улочках Литвы,
заласканный неслышной нашей встречей,
выстукивает: «живы, живы вы!» —
дождь,
что понятен нам на всех наречьях...
туда!
где счастья веселящий газ,
где всё кричит о юности пригожей,
где мы живём,
где город любит нас,
где даже смерть — лишь робкий гость в прихожей...

Ольга Сульчинская

туда, где хмель и мята на столе
и тёплый хлеб
на скатерти разложен,
где мы живём и незачем стареть,
и никому никто из нас не должен.
где летний дождь
по улицам Литвы
гуляет с нами при любой погоде,
«живём, живём!» — стучит по мостовым,
нисколько
не нуждаясь в переводе...
Туда!
туда, в счастливые года,
где всё кричит про молодость и радость,
своей судьбе
мы сами — господа,
а смерть — приезжий, потерявший адрес...

Наста Кудасова

* * *

У спадзеве на бераг
мы мкнулі да рэк,
а яны —
адалі нас мору.
Я люблю цябе так,
быццам сотнямі стрэмак
імя тваё ўбілі мне ў горла,
быццам хлынула ўсё, што пад скурай гуло,
і сарвала карузную гаць,
быццам нехта знаёмы
настырным крылом
загадаў мне
кахаць.

Инга Кузнецова

В надежде на берег
мы льнули к воде,
а реки
нас вынесли в море.
Я люблю тебя так,
будто сотни гвоздей
вбили имя твоё в горло-горе,
будто хлынуло всё, что под кожей спало,
чтобы дряхлую гать затопить,
будто кто-то знакомый
упрямым крылом
указал мне
любить.

Яна-Мария Курмангалина

Шли к иным сторонам
по речным по волнам,
но —
к безбрежным морям
привели нас скитанья.
Мне не выдохнуть слов,
будто сотней штыков
твое имя убито в гортани.
Будто хлынуло всё,
что по венам текло,
было бережно в сердце хранимо.
Будто некто ко мне
прикоснувшись крылом
загадал,
что я буду любима.

Ольга Скульчинская

Мы мечтали пристать
к берегам, но реке
не терпелось
нас вынести в море.
Твоё имя звенит
не струной вдалеке,
а стрелой в моём раненом горле.
«Я люблю тебя» кровью стучится в виски,
Тянет болью подвздошных глубин.
Будто кто-то, махнувший
крылом колдовским,
приказал мне:
«Люби!»

Анна Маркина

И в надежде на берег
достигли мы рек,
а они —
отдали нас морю.
Я люблю тебя так,
будто сотнями стрел
твоё имя вогнали мне в горло,
будто хлынуло всё, что под кожей плыло,
заскорузлой гати не быть,
будто кто-то знакомый
настырным крылом
указал мне
любить.